

Оса

Под сдержанным пермским небом 23
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Город родной – Оса

Здравствуй, город родной!
Здравствуй, мой дорогой,
Детства нашего город – столица.
На свиданье с тобой на Успенской горе
Я спешу поскорей возвратиться.
По бульвару пройду, на гору поднимусь
По ступенькам, поросшим травой.
До земли поклонюсь, на собор помолюсь,
И душе своей двери открою.
Вдруг накатит слеза, удержаться нельзя –
Сердце что-то зайдётся стучаться...
Я поставлю свечу, извинюсь, помолчу,
Что с тобою бывает нечасто.
Помню я с давних пор: на крутой косогор
Приходили мечтать, в даль глядели.
А в далёкой дали, проходя, корабли,
Огоньками мерцаая, гудели.

И оркестр духовой на вокзале играл,
Продавали на пирсе цветочки.
А в буфете вокзала лилося рекой
Жигулёвское пиво из бочки.
Эх, денёчки-деньки, вы длинны-коротки, –
Не спешите куда-то умчаться.
Я под сводом небес выйду на волнорез
Снова с детством своим искупаться.
Вот такой городок, близок или далек,
Но тобой моё сердце гордится.
И года – не беда, если знаешь, куда
Можно будет в тебе возвратиться.
Пусть твои берега умывает река,
И соборы блестят куполами.
Пароходы тебе пусть гудки отдают,
И паром ходит меж берегами.

Село Паклі́

Над зелёными лугами всходит алая заря,
За прибрежными кустами слышны трели соловья.
Все в заливы едут люди, сети ставят рыбаки.
Утки крикают довольно, где камыш да тростники.
Припев: В воды Камы окунётся утром Лысая гора,
Там кукушка отсчитает счастья долгие года.
Колокольным звоном будит всю округу храм Ильи.
Здравствуй, доброе Прикамье, сердцу милое Паклі́!
Испокон веков – исходит исторический обзор –
Как же люди поселились возле Чумкасных озёр!
Много рыбы, вволю дичи, и грибов готовим впрок.
Как в народе говорится, что с небес послал нам Бог!
Припев:
И с тех пор живёт – не тужит всем невзгодам вопреки
Средь лугов, полей и леса, берегов большой реки
Хлебосольный и весёлый удивительный народ.
Любит землю, верит в Бога, песни русские поёт!
Припев:

(Автор – **Руслан Чекменёв**, п. Майский, Краснокамск,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

О том, как печку в другой угол перетаскивали

Деревенский дурачок, примечательный тем, что постоянно из его уст слышно: “Мо-о-о-ке-е-е-йко, мать ети”, а более он ничего говорить так и не научился. В деревне его любили и берегли. Сердобольные хозяйюшки поочерёдно подкармливали его, а мужики, пряча улыбки в бороды, делились папиросками и расспрашивали его о житье-бытье, на что тот упорно отвечал: “Мо-о-о-ке-е-е-йко, мать ети”. Он был здоровым мужиком и целый день занимался только тем, что бродил по единственной в деревне улице взад-вперед, попиная камешки. Ребятишки подсмеивались над ним. Но матери строго запрещали делать им это.

Маленькую Лидку брат подговорил палкой по ногам ударить дурачка, он мол не слышит, а ты сзади подбеги и вдарь.

Глупенькая Лидка и поддалась на уговоры. Палку выбрала большущую да сучковатую. Спрятавшись за плетнём, ждала, когда мимо прошаркает дурачок. Вот послышались знакомые слова: “Мо-о-о-ке-е-е-йко, мать ети”, Лидка, выскочив за спиной дурачка, бросила палку ему в ноги. От неожиданного крика дурачка и собственного страха, она метнулась по улице. Дурачок за ней. Страх прибавил прыти, и Лидка летела, словно пуля. Дома ей хорошо попало за это от бабушки Арины.

Бабка Арина была очень общительной и весёлой старушкой. Соседки часто засиживались возле её дома на скамейке и бабка с удовольствием потчевала их собственными советами да присказками. Ещё бабка любила подсмеиваться над кем-нибудь, и уж тут держи ухо востро, иначе попадётся на удочку и острый язычок бабки Арины.

Как то раз, вот так же засиделись старушки допоздна, притулилась тут же и Лидка, раскрыв от удивления рот, выслушивая, что говорят взрослые. Стало смеркаться, и бабки разошлись по домам.

- Чо, Лидка, делать-то будем? – Они зашли в дом. – Печка-то надоела в этом углу? Давай переставим в другой.

- А как это? – Спрашивает ещё глупенькая Лидка.

- Да спичку в рот возьми и начнём.

Лидка послушно вставила себе вертикально спичку в широко открытый рот. Вот туда-то и всыпала ей бабка неожиданно щепотку крупной тёмной соли.

Отплевываясь солью, Лидка кулачком вытирала слёзы, непрошено катившиеся от обиды из глаз. Бабка по-доброму посмеиваясь, спрашивала:

- Ну, что, Лидка, не кажется тебе теперь печка в другом углу?

Прошло какое-то время, Лидка успокоилась и почти забыла о случившемся.

В хорошем расположении духа она пристаёт к бабке:

- Баушка, давай поиграем!

На что хитрющая бабка Арина предлагает:

- Давай, поиграем в малахай.

- А как это?

- Ну, печку в другой угол перетаскивать будем, так малахай поможет нам.

Забыла, ой забыла наивная и доверчивая Лидка о бабкиных коварных проделках!

Шапки-малахай появились тут же, как по шучьему веленью.

Бабка с Лидкой, натянув на головы малахай, дружно навалились на печь. Бабка кричит, Лидка вторит ей, а печь ни с места.

- Ох, умаялась я, – говорит бабка Арина. – Сымай малахай. Раз, два, три, шапкой морду три.

Лидка послушно сдёрнула с головы махай, и ну тереть им лицо.

- Поглядишь в зеркало, – еле сдерживая стон от накатившегося смеха, сказала бабка.

Лидка, глянув в зеркало и обнаружив там свою страшную рожу, всю измазанную сажей, с рёвом кинулась из избы, ещё больше размазывая по щекам ручонкой сажу, смешанную со слезами.

- Ну, чо, теперь печка не кажется в другом углу? – Вновь посмеивается хитрющая бабка.

«Я вам покажу!»

Ну, не удалась ростом Лидка, не удалась. Ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца. Все подружки и одноклассницы растут, вытягиваются, уж и парни на них заглядывают. А Лидка как была мала, так и есть. На бедном косяке входной двери ножом Лидка еженедельно помечает свой рост. И эта отметина скоро косяк

насквозь разрежет, а росту не прибавляется. Правда есть пометки и вверху, повыше. Так это от того, что Лидка мерялась там, либо на цыпочки вставая, старательно вытягиваясь, либо, когда не было мамы дома, вставая на мамины лаковые новые туфли с высокими каблуками, что мама ей категорически запретила делать. Ну ж, вот есть беда на всю жизнь и есть!?

- Ничего-о-о. – Шепчет себе под нос Лидка, неизвестно, кому грозя пальчиком. – Я вам покажу!

И показала.....

Жили в то время они в бараке. Лидка, надев мамины туфли, с трудом удерживая их и свое равновесие, с независимым видом держа поганое ведро, прочапала по улице к помойке мимо удивлённых соседок, сидевших на лавочке. Ещё долгое время, едва заметив Лидку, соседки дружно хохотали, придерживая свои животы:

- Лидка-то, Лидка, ой не могу, эт надо ж, вырядилась в лакировки матери, смеху то!!!

После окончания десятого класса Лидка почувствовала, что стала совсем взрослой. Но представление о взрослости у неё было своё. Взяв в руки большой отцовский пузатый портфель, положив в него библиотечный толстый том Карла Маркса, она села в электричку. Вы не смотрите, что такой шибздик, он – умный и взрослый, просто страсть!

Тут мужчина (может, закадрить, думает Лидка) моложавый подошёл, сел напротив. Заглядывает на обложку книги и говорит:

- А я думал, что Карла Маркса читают дома и карандашом делают заметки на полях.

Лидка, захлопнув книгу и убрав её обратно в портфель, небрежным движением достала пачку сигарет “Стюардесса” и вышла в тамбур. Взяв сигарету в рот, обнаружила, что не захватила спички, да и курить то не умеет, только видала, как это делали взрослые мужчины. Постояла с сигаретой, но убедившись, что так никого и не сразит своим видом, с досадой выплюнула её и, взяв портфель, направилась к выходу.

- Вот дура, ну дура! – Думала Лидка о себе и строила дальнейшие планы, “показать всем и покорить всех!”

Стать артисткой она мечтала давно. Ещё маленькой, забрав-

шись на стол, она пела отрывки из оперетт, которые слушала на пластинках старого патефона:

*Карамболина, Карамболетта,
Сердце радости моей.
Карамболина, Карамболетта,
Я всё отдам, лишь только б ты была моей.
Карамболина, Карамболетта,
Всегда смеешься и лукавишь...*

Поэтому, – Куда поступать после школы?, – Для неё был не вопрос. В театральный и только!

Подготовилась Лидка основательно. С собой взяла сочинения только отличников.

Села на самую последнюю парту и, добродушно поглядывая на преподавателей, разложила “незаметно” листы с сочинениями. Но, где же было ей догадаться, что зеркала, расположенные в зале на стенах, висят не только для того, чтоб в них смотрелись красавицы, такие, как Лидка, но могут так же хорошо отражать все, что делается в аудитории.

Уверенность Лидки не могло ничто поколебать. Она, подробнейшим образом списав “достойное” сочинение, ещё раз проверив его на предмет ошибок, с чистой совестью сдала приёмной комиссии.

И каково же было её удивление, когда против своей фамилии на следующий день в списке она обнаружила двойку. Да, да, именно двойку!

Недоумение сквозило в её взгляде.

Это, наверное, сегодня, она смогла бы с наивным взглядом своих голубых глаз, доказывать, что, как же так?, откуда вы взяли?, а докажете, и так далее. Но тогда...

- Вот дура, ну дура! – Думала Лидка вновь о себе и непробиваемая и непотопляемая стала дальше строить свои планы.

(Автор – *Наталья Калашникова*, с. Гремяча, Оса, участник Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

«Уездный городок Оса»

Растёт уездный городок Оса, не торопит время. Развивается торговля. Появляются торговые ряды, гостиный двор. Множится купечество.

Основной доход уезду приносят рогожные кули. «Куль ро-

гожный не потеха, землякам – залог успеха». Осинские кули мастера-кустари и рабочие кулеткацких фабрик делали из лыка липы или ивы. Не такая уж и лёгкая работа, а платили за сто кулей всего лишь три рубля. Были кули прочными, надёжными. В них переносили соль, пшеницу, рожь, семя льна и многое другое. Такой куль был необходим каждой семье и предприятию. Поставляли купцы города Оса кули на знаменитую Нижегородскую ярмарку и всегда были в прибыли: около миллиона кулей продавалось в год.

Есть в Осе современная скульптурная композиция «Куль осинский» художника И.М. Сторожева. Несёт куль медведь – символ Пермского края. С другой стороны около куля вьётся оса – местный символ. Полезай внутрь куля – любое желание исполнится!

И **легенда** о рогожном куле есть.

Осинский купец Бутаков, тот самый, что платил три рубля за сотню кулей, отправился торговать кулями на Нижегородскую ярмарку. Удачной была торговля – все кули расхватили, но один куль оставил купец себе. Приобрёл торговец на вырученные деньги товаров для города и погрузил в оставленный куль. Возвратился купец Бутаков в родной город и отдал куль с товарами в Осинское земство. А на другой день куль пропал. Вот уже не один век бродит куль по городу, то здесь, то там появится. Только уви-

дят его горожане, хватать, опять нет! Кто же знает, где прячется куль с товарами? А ещё любопытно, что за товары закупил купец Бутаков? Времени много прошло с тех пор – товары, наверное, для музея теперь сгодятся!

Далеко славились и осинские сапожных дел мастера. Их товар был настолько качествен, что ценился не только на русских ярмарках, но и в лавках Рима.

Торговые ряды Осы, новые и старые, насчитывали 26 купеческих лавок. Некоторые сохранились до нашего времени и используются по назначению – как магазинчики. Купцов и купеческих династий было много: Чердынцевы, Рыжиковы, Сафроновы, Амирхановы, Емелины, Шешуковы и другие. Не только торговали, но занимались благотворительностью, благоустройством города.

Купец И.И. Рыжиков владел рыбокоптильным заводом, имел две самоходных баржи. В советское время в его особняке размещался детский дом, а сейчас районная библиотека. В библиотеке мы выступали перед читателями и местными поэтами. Атмосфера была замечательной...

(Автор – *Татьяна Пермякова*, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

По Осинскому району (20.10.2018)

(Фото – *Марина Чжан*, Пермь; фото, отмеченные * – *Ал. Тимшин*, Пермь)

Кунгур

Кунгур (фото – *Марина Муляева*, Пермь, дипломант Конкурса в номинации 2 – Родные просторы)

(Кунгурское)

Крест чердачного окна
Ювелирный,
тонкий,
древний

С высоты его видна
Ночь.

Излучина Ирени.

Уходящая натура.
Восходящая луна...

(Автор – *Николай Шабунин*, Пермь, эксперт Конкурса)

На Белой горе

Есть место святое на Пермской земле,
Где храм православный на Белой горе
Стоит на возвышенном месте для всех,
Чтоб правду снискать и чтоб скорби унять.
И мысленно каждый молитву хранит,
Что Богу он должен судьбу посвятить.

Вся жизнь, как монетка, легла на ладонь,
Орёл или решка – наш выбор простой.
Но свято то место в душе новичка,
Отдавшего душу за верность Христа.
Какое всем счастье услышать призыв,
Чтоб волю исполнить и свято прожить.
Простые дела нас влекут за собой,
Но помнить придётся о силе святой.
Как верная дружба ценна на Земле,
Так свято родство Бога и всех людей.
Взрослеть будем вместе с молитвой святой,
Узнаем, что в мире есть Рай неземной,
Где скорби, страдания впрямь отойдут,
И душу наполнит вечный покой.
Как важна дорога на Белой горе,
Чтоб всем испытать тот душевный покой.
Всегда будет разной людская молва,
Но сила святая от Бога дана.

(Автор – **Ольга Целищева**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

В глубине Кунгурской ледяной пещеры (фото – **Галина Карпова**, Губаха, лауреат Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Уральский Афон

Поднимаюсь и вижу
Белый храм на горе.

Голубые просторы
В золотом сентябре.

Я к твоим прикасаюсь
Истокам, словам.
Преклоняюсь покорно
Красоте и делам.
Трудный путь становления:
Был расцвет и закат,
Знал и годы гонения,
К новой жизни возврат.
Есть у мира святыни –
Символ веры людской.

Среди них ты отныне
И паришь над горой.
Купола золотые
В чистом небе плывут,
Словно в даль голубую
За собою зовут.
Я смотрю и люблюсь,
Лёгкий трепет Души,
Удивляюсь, волнуясь...
Осень. Храм. Миражи.

(Автор – *Галина Матвеева*, Березники, дипломант Конкурса в номинации 4 – Пoesия)

Круги времени (фото – *Галина Карпова*, Губаха)

Белогорский монастырь

1. Крестный ход

Крестный ход к Святой горе
По камням и по жаре
Отправляется сейчас,
Господи, помилуй нас.
Разбиваем ноги в кровь,
Божье небо – наш покров,
Солоны и хлеб, и квас...
Господи, помилуй нас...

Воссияли купола –
Нас подняли на крыла,
И в сердцах единый глас:
"Господи, помилуй нас!"
Пот и слёзы по лицу,
Крестный ход пришёл к Отцу.
Отчий свет в сияньи глаз!
Господи, помилуй нас.

2. Заступница святая Ефросинии Белогорской

Я страшусь за тех, кого люблю.
И тебя, заступница святая,
О любимых преданно молю:
Пусть над ними Божий дух витает,
Пусть не гаснет в душах Божий свет,
Чтоб ясна была для них дорога,
Чтоб другие шли за ними вслед,
Светлым сердцем познавая Бога.

3. Белая гора

Святая Белая гора.	Храм без людей и без креста,
Здесь освежающи ветра,	И в наших душах – пустота.
Дожди чисты, белы снега,	Святая Белая гора!
Природа мудрая строга.	Как прежде золотом горя,
Святая Белая гора,	Кресты над храмом вознеслись,
Была ты к страждущим щедра.	Чтоб мы прозрели и спаслись.
Стояли монастырь и храм –	Святая Белая гора –
Мир освещали грешным нам.	Обитель света и добра,
Святая Белая гора...	Благословенная земля,
Безбожья мрачная пора.	Здесь оставляю сердце я.

(Автор – **Любовь Полякова**, эксперт Конкурса)

Под сдержанным пермским небом 24
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Душой нараспашку

Валентине Озорниной–Тряscyной

Уважаю тебя за стихи,
За твою бескорыстность на свете.
Встретить в жизни я рада таких –
С просветлённой душою поэта.
То на кухне на зиму компот
И другие ещё заготовки
Варишь ты. И забот полон рот.
Дом большой – не прожить без сноровки.
Вот опять испечёшь пирожки.
Муж накормлен и те, кто есть в доме.
- Так чего ж озабочена ты?
- Отвезти пирожков бы знакомой.
Ей уже многовато годков.
И ещё приболела, к тому же.
Для знакомой гостинец готов.
Едешь ты навестить, если нужно.
То одну попроведав, к другой –
Из Плеханово в город поедешь.
Наведишь, обогреешь душой,
Привезёшь всем гостинцы к обеду.
Ну, а дома – забот полон рот:
То приборка, то стирка, то кухня...
Всё равно искра Божья живёт,
В повседневности дел не затухнет.
А эмоции бьют через край:
Торопливо, взахлёб – на страницу.
Россыпь слов уловить поспевай,
Если вечером что-то не спится.
Утро снова приносит забот!
Но среди повседневности этой
Валентина в Кунгуре живёт
С просветлённой душою поэта.
И открыта для добрых людей
Всей душою своей нараспашку.
В круговерти мелькающих дней
Жить под Небушком Божьим не страшно.

(Автор – **Людмила Пенягина**, п. Майский, Краснокамск, лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

На перепутье (фото – **Галина Карпова**, Губаха)

Село Кыласово Кунгурского района

*

28 февраля 2021 г., в воскресенье, съездили в соседний Кунгурский район, в село Кыласово – в составе творческой группы от объединения «Человек и Мир» покатали с познавательно-творческим визитом (особая благодарность организаторам данной поездки). Сразу же отметим, что, несомненно, поездка удалась, думаю, у каждого из нас осталось позитивное восприятие увиденного-услышанного...

Начну с рассказа о самом селе. Конечно, места все прикамские необъятные были заселены с древности, особенно вдоль рек, всяких да разных, в числе коих и речка Бабья (так поименованная в Писцовой книге 1623-1624 гг. Михаила Кайсарова с помощниками, позже речка получает современное название Бабка; думается, что ни к бабам, ни к бабкам название сие отношения не имеет – благо места эти пока населены сплошь остяками, уже омусульманенными и постепенно превращавшимися в татар). Проникновение русского и русскоязычного населения на юг будущих пермских земель началось уже в 1-ой пол. 17 в. Вот и на реку Бабку устремились трое сынов

Степана Кылосова, рождённых, по современным прикидкам, где-то на территории Юсьвинского района (огород насчёт татарских имён у пермяков городить не надо, слово то – от искажённого православного понятия клирос, превратившегося у народа в крылос) – Кирилко, Максимко да Климки, поставившие починок на левом берегу реки в 1643 г., который и упоминается в переписной книге воеводы П.К. Елизарова 1647 г. как Починок на реке Бабка (бывший поначалу в зависимости от старцев Пыскорского монастыря), в 1652 г. – это деревня Крылосова (населённая уже государственными крестьянами), а с постройкою деревянной церкви – село Крылосово (Кылосово). Современное село Кыласово возникло с возведением каменной Свято-Никольской церкви на правом берегу реки Бабка переселением жителей со старого села, оставшееся население на этом месте составило существующую до сего дня деревню Старое Село. Село Кыласово было центром волости Кунгурского уезда, потом – сельсовета Калининского да Кунгурского районов, сельской администрации Кунгурского района, а с 2006 г. – сельского поселения (пока болваны от бюрократии не прекратят таковое деление в Кунгурский городской округ). Сейчас в составе сельского поселения числятся – село Кыласово, 34 деревни да 2 посёлка железнодорожного назначения. Народ работает в Перми и Кунгуре, в собственных огородах, на картонной фабрике, в лесной отрасли, много дачников.

оглядывая просторы речные по обе стороны, притягиваясь глазом к горе Петуховской – да, несомненно! Мы для себя решили – приедем летом и поподробнее, потщательнее...

А нас гостеприимно встретили-приветили главные (для нас) на этот день хозяйки – Нина Николаевна (хранительница традиций села, «человек из музея», да с рассказами интересными) и Светлана (хозяйка библиотеки), в библиотеке показали фильм о селе, коротенько обговорили самое основное – и перешли к части творческой: послушали мы стихи местного автора (жаль, не удалось по причине плохого самочувствия самого увидеть), представители Перми и Краснокамска почитали немного своего, печатные издания передали в дар библиотеке, повосхищались. Пошли (а везде так и слышится пермское слегка-оканье) по селу, мимо мемориала-памятника Трактору

*

(переустановленному на нынешнее место в 2014 г.), мимо мемориала Победы (возведённого к 30-летию Победы в 1975 г., автор памятника краснокамский скульптор В.А. Чествилов) – прямо в храм (не впервые мы здесь с Мариной, и местного батюшку, отца Александра, уже видели-слушали, тоже человек колоритный, в своём роде), в котором многое уже восстановлено, но до воссоздания первоначального облика здания, пожалуй, ещё очень далеко (помощи маловато. Государству го-

раздо проще разрушать, а затем... будем думать, как что-то построить, да и строить ли? Не проще ли так позабросить, авось, как-нибудь сами справятся), ежегодно (по крайней мере, в 1774-1935 гг., а, по возобновлении, с 1994 г.), в июле совершается крестный ход по Сибирскому тракту до Кунгура. Нагуляв аппетит, переместились мы в столовую «У Петровны», в тепло да уют, ну и принялись за обед, вкусный и горяченький. А уж после этого поехали на нашем микроавтобусе в музей.

Сразу скажу: хороший музей, иным и районным центрам впору такие иметь. А всё в нём поочерёдно наличествует – и история, и память, и жизнь народная, и бережные отношения к оным, и данность околотрактная, и свидетельства эпохи – вот они, смотри да трогай. Времени предостаточно, не по верхушкам скакать, степенно не по разу обходишь экспозиции. А что непонятно – подскажут. Экспозиция единственного в Пермском крае музея Сибирского тракта (и одного из четырёх в России) – музея в музее, центральная, почти довлеющая. Да и остальное – весьма впечатляюще: светёлка, кухня, этнографические уголки, советский антураж, медицинская комната (самое здание – бывшая амбулатория, надо полагать, ещё от земской больницы), память войны (земля кыласовская дала двух Героев: дважды Герой лётчик Григорий Флегонтович Сивков (уро-

женец деревни Мартыновой, ставший генерал-майором), да Герой танкист гвардии младший лейтенант Александр Павлович Лянгасов (родившийся в ныне не существующей деревне Лянгасы и погибший в 1943 г.). А сколько орденосцев, да награждённых медалями боевым и трудовыми!).

На «закуску» уже – встреча со знаменитым мастером-резчиком по дереву, преподавателем Кунгурской художественной школы, человеком творческим и интересным, да и просто занимательным рассказчиком, Александром Семченко. Его великолепная коллекция авторских работ, фигурок разных из дерева (чем-то неуловимо напоминающих нэцке), своеобразных, своеобразных да юморных... Его наблюдения, истории, байки, если хотите, прибаутки да цитаты к месту. Мастер-класс резки по дереву принят с энтузиазмом, старательно режут доски... У довольных гостей блестят глаза, сами чуть не мурлычут от удовольствия.

Настало время прощаться. Последняя пробежка по пешеходному мосту, слова благодарности. Благодарим за радушный приём, за отзывчивость, тёплое отношение. Говорим: До свидания!

Из отзывов на заметки путевые:

[Нина-Александровна Самойловских](#) Отличный пост. Спасибо Александру. С большим уважением отношусь к древнему селу и его сельчанам, которые любили фотографироваться и оставили

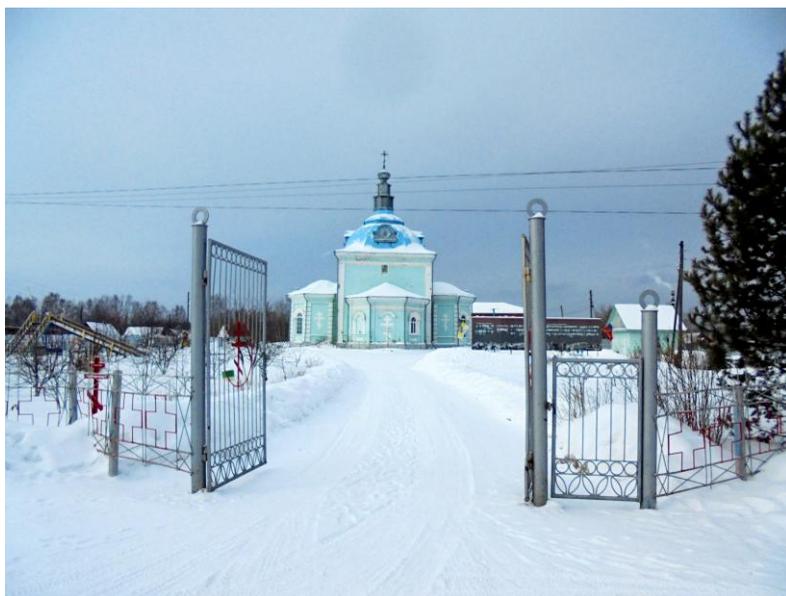
себя в истории благодаря замечательным снимкам (дореволюционным).

[Александр Тимшин](#): Да, я тоже видел эти фотографии: велико-
лепные типы, колорит эпохи, да...

Ну – и немного ещё фото:

Отец Александр и писательница Т.В. Пермякова

(Автор текста и фото, отмеченного * – **Ал. Тимшин**, Пермь;
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

*

Кыласовская экспозиция Сибирского тракта – это богатая коллекция. Постарались работники музея рассказать о жизни казённой Государевой дороги многое.

Представлен во всей полноте постоялый двор. Замёрз путник, устал, но есть где отдохнуть, переждать непогоду, переночевать, погреться. Есть где чайку попить или плотно перекусить горячими щами. Стол с самоваром ждёт дорожного гостя, лавки вокруг стола покрыты чистыми половиками – присаживайся! И мы посидели за столом, поговорили. Тоже ведь в дороге!

Есть в экспозиции и кошёвка-сани, настоящие. Покрашены в чёрный цвет и расписаны яркими цветами. Тут без фотосессии не обошлось. Кто во что горазд рядиться. Разрешается! Больше всего стараются женщины. Кто платок расписной накинет и важно усядется в кошёвке, а кто – сначала плюшевую жакетку на плечи, а платок уж поверху.

Модницы в плюшевых жакетках

Я эти жакетки отлично помню. Мода у нас в сибирском селе была на них, вот и «форсили» в них модницы сначала по праздникам, ещё на выход в кино надевали да в важную по-

ездку, например, в Ишим или Тюмень. Потом в любой «тёп-
лый» зимний день носили. Была такая жакетка и у мамы. Я,
маленькая девочка, часто гладила её нежную, волнистую, по-
блёскивающую антрацитом ткань. Но мода быстротечна.
Прошла она и на плюшевые жакетки. Мама стала в ней
«управляться» или накидывать на плечи и «выскакивать» на
мороз. И уж совсем «потом» пылилась чёрная плюшевая жа-
кетка в сених на гвозде, вбитом в стену, да и исчезла...

(Автор – *Татьяна Пермякова*, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Белогорье

Теперь о поездке в Белогорье (часть Кунгурского района,
примыкающая к Белой Горе), на саму Белую гору (имею в ви-
ду мужской Николаевский монастырь) и в село Юго-Осокино
(обозванное, наряду с другими пятьюдесятью девятью "сча-
стливцами" по указу типа Верховного Совета РСФСР от
26.06.1952, конъюнктурным именем в честь М.И. Калинина
селом Калинино, а и доньне пока влачащее свои вериги),
славное место на карте и в жизни нашего края.

К одиннадцати утра в Вербное воскресенье, 25 апреля 2021 г.,
микроавтобус с нашей творческой группой был у монастыря.
Как всегда, по дороге слушали познавательные речи Катери-
ны Калуцких и Татьяны Пермяковой (на обратном пути,
опять же, как всегда, всю дорогу слышны были песни всякие
– наши женщины неугомонные Солнце, видать, приманивали.
День, в целом, выдался странный, холоднее, чем в предыду-
щие дни, да с пасмурною погодой, ветром (а наверху – особо),
временами – и вовсе с дождями. Опять же в течение дня и
прояснявало, и давало по окрестностям походить, солныш-
ком да светом радовало, и дождиком поливало, даже град
был. Короче, было всё – а чтоб не сильно радовались, а то мы,
как всегда, от удивления рты раззявим да по сторонам глаза-
ем, рассказам объясняющих-рассказывающих внимаем.

Ну что – монастырь стоит, понемногу хорошеет, раз от разу
что-то новое узреваем, а поначалу, в 90-е, сплошная восста-
новленка была. Да все уж, наверное, в нём побывали, ну хоть
слыхивали. Виды, конечно, с него! Голова кругом. А там же в
час дня и пообедали в трапезной. Потом и дальше тронулись
(по дороге в лавку мёдную заскочив).

В селе сразу нас к музейно-просветительскому комплексу привезли. Вот теперь чуть-чуть о месте сем. Достоверно известно, что русских поселений в этом месте не было до 31.03.1731, когда на разведанных залежах медистого песчаника дозволено было начать строительство медеплавильного завода иждивением двоюродных братьев Осокиных, Петра Игнатьева сына да Гаврилы Полуэктова сына, бывших крепостных из Балахнинского уезда будущей Нижегородской губернии, разбогатевших на поставках хлеба в новопостроенный град Санкт-Петербурхъ да на винных откупах.

А по речке Большой Юг, на котором сразу же и пруд воздвигли (до сего дня действующий, правда, уже не в качестве движущей для механизмов всяческих силы) завод назвали Юговским, построили его руки крепостных крестьян центральной России уже в 1732, первую продукцию завод дал опять же в марте, 29-го, следующего 1733. Так возник посёлок заводской, один из многих на горнозаводском Урале; с постройкою же в 1735 казённого Нижне-Юговского завода (ныне посёлок Юг в районе Пермском пока) название этому заводу изменили в Юго-Осокинский завод. Довольно быстро население росло, церковь воздвигли, статус села, значит, получили. В 1801 уже дворянин Осокин-правнук Полуэктов продаёт завод московскому купцу-немцу Андрею Андреевичу Кнауфу (который поначалу сумел поднять производство меди, очень хорошей, кстати, меди, для этой цели выписал из Британии механика, кой в 1804 поставил на заводе паровую машину – вторую на Урале, вообще-то; к сожалению, развернуться Кнауфу не удалось – в 1828 завод попадает за долги в казну, а закрывается, в конце концов, в 1872; ныне от завода остаётся пруд да бывшее здание заводоуправления, ну и место, разумеется, ниже плотины, где он и располагался), название опять поменялось – на Юго-Кнауфский завод (и бысть сие название села до года 1914, когда после августа месяца грянула Великая война, память о коей языком большевики "слизали", – на волне антигерманских настроений немецкие названия заменяли – вот и вернулось опять селу истинное его название – Юго-Осокино. Власть большевицкая установилась, а затем война гражданская прокатилась и по этим местам с неизменной жестокостью (не мир мы несём в мир, но меч - и тако задолго от Заветов провозглашаемо, да всё во имя богов всуе, а ручонками человечьими). Центр волости, становилось село и центром района (в 1923/24 да в 1940/41), да два раза в угоду разрушителям – и лишалось оно статуса (в 1931/32 да в 1959), населения имело на целый город, но вот с той поры всё и катится у нас под гору (оставляемо народу на посад Юго-Осокин пока на 28-ми улицах)...

А в "царской тюрьме народов", аккурат на 1916 в селе имело мужское и женское начальные училища, городское 4-

классное училище да школа ремесленная (преобразованная в профессиональную после гражданской да и успешно закрытая в 1933), были и всяческие заведения (фаянсовое, спичечные, столярное, кирпичное, торговые), проводились две ярмарки (летняя Троицкая – в июне) и зимняя Михайловская (на престольный праздник Михайлов день – в ноябре), каждое воскресенье – шумел базар на центральной площади. Нынешним «расцветом» – только вспоминать...

А и ныне же, по поверьям новым, запущена информация о возможном погребении на соседней с селом горе Титька одного из тех, кого называли Заратуштра (не одного везде, а нескольких, числом до 7), Звездочётца – таков был древнейший титул великого жреца будущих иранских народов...

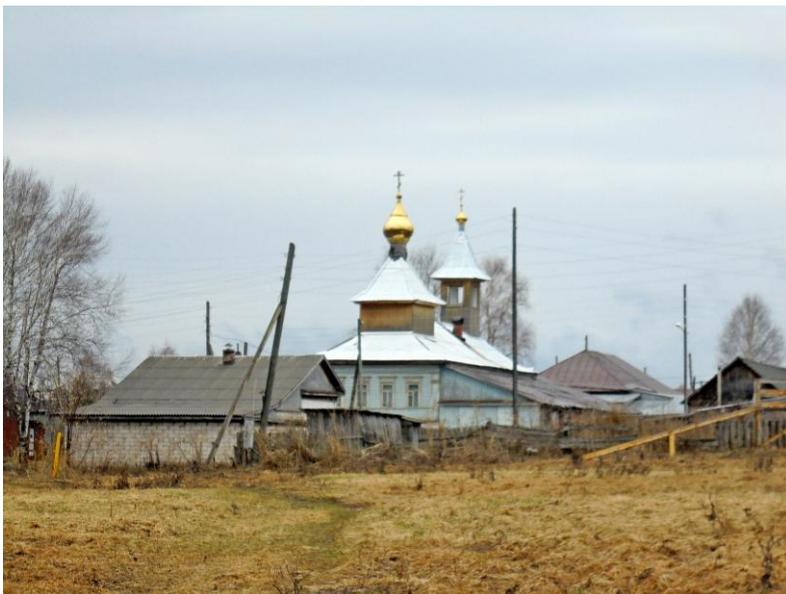
Для нас село оставило вполне благоприятное впечатление – стариной своей, сохранением истории, памяти вековой, попытками некоего возрождения славы былой (силами энтузиастов, в основном, немалую заслугу на этом поприще следует признать за Татьяной Фофановой да поблагодарить её земным поклоном). Верится в лучшее. А места здесь настолько великолепны, что их нужно прочёсывать подробнее, что мы себе уже поставили в задачи последующего, надеюсь, времени.

Как правило, во время наших творческих экзерсисов (весьма интересных талантами местными, да и наши авторы тоже

старались представить своё творчество), последовавших после прогулки познавательной по селу, Марина Чжан прошлась-пробежалась по селу да по окрестностям, а что уж она там навьискивала, немного покажем и здесь.

(Автор текста и фото, отмеченного * – **Ал. Тимшин**, Пермь;
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Усть-Кишерть

Таинственное

Июньский тёплый вечер. Тишина.
Я опоздала на последнюю маршрутку.
И вот стою в глуши совсем одна...
Тревога в сердце бьётся не на шутку.
Отчаянье в груди, как чёрный пёс,
Скулит, скребёт и страха нагнетает...
Вдруг слышу: очень слабый шум колёс,
Далёкий свет дорогу освещает.
Машина! Хоть бы добрый человек!
Со мной сравнялась и ...остановилась...
"Что, дочка, опоздала, как на грех?"
"Садись в машину, раз уж так случилось".
"Как звать тебя, попутчица моя?"
"Татьяна". "А меня так дядя Паша".
"Спасибо Вам, не бросили меня".
"В беде бросать – то не про нас, не наше".
"Смотрите, это что за светлый шар?"
Он вспыхнул в небе, ослепил... и покатился,
Завис, ещё с минуту постоял
И, искрами взорвавшись, быстро скрылся...
В оцепенении смотрела сквозь стекло...
Вдруг тишину нарушил дядя Паша:
"Не бойся, дочка. Не сверли окно.
Бывает... Зона М... Загадка наша".
Попутчик мой меня под локоть взял.
Я вышла из машины чуть живая...
А он рукой на поле показал,
Где шар висел, блистая и сверкая.
На этом месте высохла трава,
Проталина огромная на поле.
"Здесь семь шаров, а не один и два,
Бывает, пролетят над головою".
Вдруг слышу: шорох из густой травы...
И мною страх сильней овладевает...
"Похоже, разбудили эльфа мы.
Они здесь часто путников пугают".

"Да, чудеса! И эльфы здесь живут?"
"Живут. Не раз их люди замечали".
"Трава с вас ростом почему-то тут..."
"Ну да. Здесь очень много аномалий".
Мой взгляд упал на дерево одно...
Оно заморозило своим видом.
Ведь не могло же дерево само
Подстричь себя под форму пирамиды?
И все деревья странные стоят:
Тут есть и круг, и треугольник даже,
Слегка поодаль – дерево-квадрат...
И словно все они стоят на страже.
А рядышком – другие деревца:
Причудливо-закручены, тугие,
Кривые, без начала и конца,
Как будто на них чары колдовские...
Прервал все мысли ветер ледяной...
Он налетел на нас из ниоткуда.
Мне показалось, он принёс с собой
Ещё одно таинственное чудо.
"Скажите, дядя Паша, что за гвоздь
На треугольном камне там мелькает?"
"Да местный памятник. И каждый гость
Оставить фото с ним себе желает".
"И я запечатлеть его не прочь.
Таинственно-мистический, манящий..."
И, несмотря на то, что уже ночь,
Я фото делаю рукой дрожащей.
Но что это? На снимке – тёмный шар...
И белое пятно внутри сияет...
Про эту странность дядя Паша знал,
Он улыбнулся и сказал: "Бывает..."
Ну что же? Поздно. Ехать нам пора.
Я на часы смотрю – и жутко стало:
Они показывают ровно семь утра!
Но как же так? Ведь только ночь настала!
"Не бойся, в зоне М бывает так:
Часы неверно стрелки свои сложат..."

Село Молёбка – это тайный знак,
И разгадать его никто не может".
Я ехала с попутчиком своим
И думала про эльфов, шар и ветер..
Таких таинственных, загадочных, чудных
Ещё, быть может, много мест на свете.
И тайнам тем конца и края нет,
В них верят: кто - страшась, кто - удивляясь..
Машина мчалась, заметая след,
А я всё ехала, от тайны удаляясь.

(Автор – **Татьяна Сидорова**, Рябиново, Чердынь,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия))

Чеченино

...Дача наша, так уж получилось, находится в деревне Чеченино Кисертского района. Название деревни странное, потому что вокруг другие названия деревень. Ильята, Петрята, Синюшата, Сидорята, Макарята – ещё можно как-то объяснить возникновение этих названий. Но Чеченино... Интернет выдал следующее: был хан Чечен во времена татаро-монгольского ига. Это не про нас. Чеченя – тот, кто изготавливает чечени, плетёные из тальника круглые короба с крышкой, для рыбы (иначе – садки). Не видела таких садков ни у одного местного рыбака. Чечениться – ломаться, жеманиться. Чеченя – прихотливый, требовательный к еде человек. Меня устроило последнее толкование.

Выдумка о названии деревни Чеченино

Девка Агашка была не шибко красивой – Боженька обделил. Не шибко трудолюбивой – мамка жалела. Не шибко умелой – бабка малому научила. И вдруг – сваты! От Ерофея, что с хутора за холмом. Агашка от страха спряталась в кути. Мамка заохала, забегала, прищёптывая: «Пригнала мужика нУжа и до нашей поганой лужи!» Агашка от обиды в рёв, но мамка только рукой махнула: «Цыть! Не до тебя!»

Бука, нелюдим мужик Ерофей. К тому же без роду и племени. Появился неизвестно откуда с мешком и топором на плече. Прошёл деревню неспешно, но не остановился. Ушёл за холм, к реке. Срубил в одиночку избу – в руках сила большая! – так появился безымянный хутор. Рыбачил, плотничал по найму и... выглядел Агашку. Знал, что более проворная и красивая девка откажет. Агашка не отказала. Ждать нового жениха – ненадёжно. Ка-

кой дурак на такую позарится!

Свадьбы не было. Перевезли Агашку на телеге по тряской дороге за холм вместе со скромным приданым в старом сундуке. И начались для девки трудные, хлопотливые дни. Приходилось вертеться – дом, огород. С этим быстро освоилась, да и Ерофей не требовал особого порядка. Но, раз баба в доме завелась, ...подай на стол еду настоящую! Намыкался мужик один: то всухомятку, то наспех сглотнёт или на водице и хлебе целый день. Главное назначение жены – еда да ребятишки. О ребятишках пока рано было говорить, а у печи будь хозяйкой!

Пришлось Агашке в слезах много раз с хутора в деревню к мамке бегать. И жаловаться на «свово чеченю», и учиться кашу томить, щи варить, кулагу да квас ставить, капусту солить. Подружки заглянут:

- Опять чечене не угодила?

- Угодишь ему! Так не ладно, этак не так!

И мамка подружкам отвечала, если они не встретились с Агашкой:

- Утресь была. Чеченя к похлёбке не притронулся! Опять наймоваться ушёл на одних сухарях и воде!

- Ой! Уморит мужика!

- Уморит, не дай Бог! – вздыхала тётка Дарья. – Я ей толкую: учися скорей!

- Да ить учится! Каждый день к тебе бегаёт!

- Бегать-то бегаёт, да толк небольшой. Чё сёдня вечером ей чеченя скажет? Хоть бы за косу надёргал, чтоб быстрее училась!

Вскоре слово «чеченя» прочно вошло в округе в обиход: Охотился за чеченей. Новая семья избу ставит у чечени. Пойдём к чечене по грибы. На чеченинских угорах ягод тьма-тьмущая!

А когда вместо хутора деревенька образовалась, назвали её Чеченино.

(Автор – *Татьяна Пермякова*, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

По Кишертскому району

*

Зачнём с того, что **17 сентября 2018 г.**, в составе большой туристической группы *Золотое Кольцо* мы (Ал. Тимшин и Марина Чжан) посетили Кишертский район – начали с районного центра, села Усть-Кишерть (полюбовались издали, с дру-

гой стороны железной дороги, зданием железнодорожной станции постройки начала 20 в. – стоит оно практически в том же виде и является памятником архитектуры неизменяемым – даже, дескать, облупившиеся стены покрасить без особого разрешения не дают; побывали в центре – у мемориала в парке (слишком громко сказано про парк), у реставрируемого храма Покрова Пресвятой Богородицы; автобус проехал мимо озера Молёбного – карстового провала с кучею легенд вокруг, мимо ещё одного озера (в селе много озёр старичного типа, остатки стариц реки Сылва, да и карстовых тоже), в котором должны были плавать лебеди

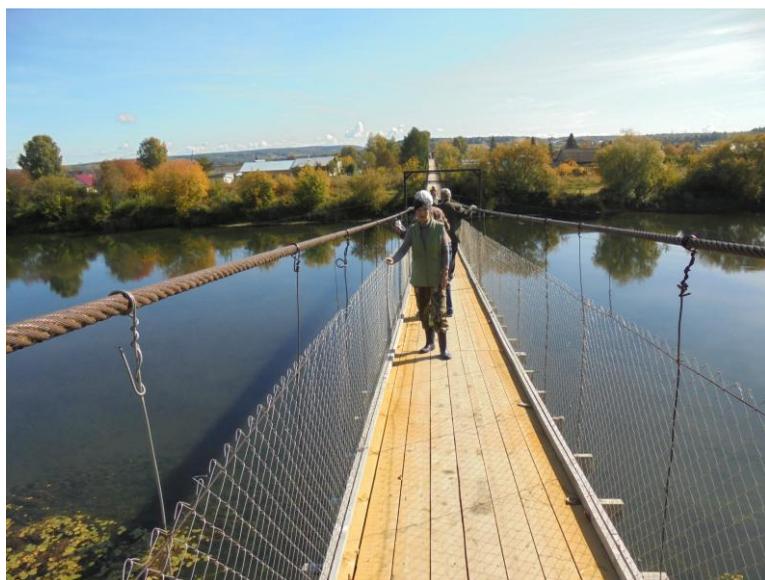
(на фото их нет, да и не видели мы их), таким образом, пересекли село с юго-запада на северо-восток с выездом на дорогу в сторону села Посад.

Село сие старинное, одно из древнейших русских поселений района, уже в 1622 году соликамский посадский человек Фёдор Елисеев купил у татарина Турсунбая Терегулова земли по реке Сылве, в 1623 починок с 6 жителями описывал Михаил Кайсаров в своих переписных книгах. В 1631 земли по Сылве втридорога были перепроданы Данилу Ивановичу Строганову; к середине 17 в., с постройкой старой деревянной церкви, деревня практически напротив впадения реки Кишерти в

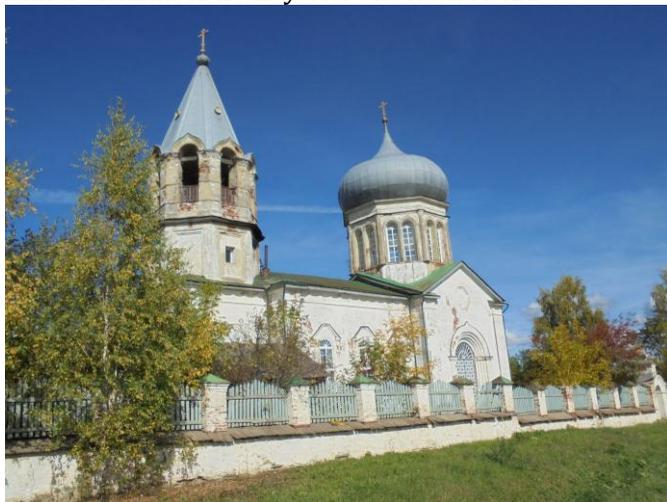
Сылву становится селом Кишертским (писали и как Кишерское), позже – Посад (надо бы, в отличие от других пермских Посадов именовать сие место как Посад-Кишертъ). Проехали село в засылвенские места по направлению камня Лобач, как объекту туристическому.

И, действительно, вид с этой, небольшой, в общем-то, скалы на правом берегу Сылвы изумительный; на вершине скалы сохранились остатки вала древнего городища 8-9 вв. Фотосессия закончилась, скомандовали возвращение в автобус – вернулись в село Посад, где желающие прошлись по подвесному мосту.

По возвращении в Усть-Кишерть – обед и дальнейший путь по району. Первая точка этой дальнейшей поездки – село Спасо-Барда (село стоит на левобережье Сылвы выше впадения в оную, на противоположной стороне, реки Барда; посещение храма во имя Спаса Нерукотворного Образа, каменного, постройки 1859 г., долгое время также подвергавшегося надругательствам, но сохранный и ныне используемого по назначению.

*

Дальнейший путь привёл в старинную деревню Гусельникову (упоминаемую с 1651 г.), где тщанием радетеля и доброхота Олега Юшкова возведён новопостроенный деревянный

*

храм во имя Николая Чудотворца, рублен и собран как «восьмерик на четверике с шатровым куполом и шатровой звонницей над притвором», затейлив, со резными украшениями – да намаливается пока, новое и есть новое.

Дальше поехали – добротное село Осинцево, да мимо храма во имя святых апостолов Петра и Павла, деревянного, обшито тёсом, от 1858 г. (в то время его ещё реставрировали). В храме – множество фресок, часть из них удалось сфотографировать.

И вот уже оттуда - путь привёл в село Молёбка (правильнее-то, конечно, Молёбское, либо Молёбский Завод), ныне известное лишь как центр пресловутой аномальной зоны (а вся наша земля как большая Зона, да и аномальщины везде хватает, просто где-то погуще да пораскрученной). Были в музее, на месте небольшой площадки туристических начинаний – со сценою, остатками от проходивших некогда во времена культурного всплеска (так изящно по приказу сверху задавленного ручонками «варяга» на букву Бе) фестивалей, немного пофотографировали (пристрелочные виды, в том числе), пока батарея не разрядилась (а разрядилась по причинам вполне материальным – от долгого употребления, срок «завода» закончился). И покатили восвояси с благодарностями строителям поездки, таковой интересной да насыщено-протяжённой.

История эта, в сущности, предистория, сказка будет впереди...

(Автор текста и фото – **Ал. Тимшин**, Пермь; фото, отмеченных * – **Марина Чжан**, Пермь)

*

22-24 августа 2020 г. – наша поездка в Кишертский район. Цель – в основном, краеведческая, т.е. посещение территории Молёбского завода, Молёбского пруда, села Молёбка (чем живёт оно сейчас; правильнее было бы Молёбское или Молёбский Завод) и местностей вокруг, что успеем. Что успеем прошагать.

Итак, часть **1-я**.

Началась поездка так: утром 22-го, добравшись до станции Пермь 2-я, на Шалинской электричке, с рюкзаками и палками дорожными (теперь уже неотъемлемой части нас самих) выехали до остановочного пункта (бывшей станции) Шутём (что уже за пределами нашего края). На станции переоделись в обувь для крайне мокрой дороги (а путь оттуда до села Молёбка = общей протяжённостью километров 18), да и потопали – сначала на холм от железной дороги, потом вниз, опять на холм, дорога соединилась с просёлочной старой дорогой Шаля (Шамары) – Молёбка, и – по ней, местами разъезженной большегрузными лесовозами и грязной, почти непроходимой, местами – вполне сносной.

Только накануне закончились двухнедельные дожди, по всей дороге и по обочинам стекают десятки ручейков ещё, журчат на перепадах высот, прыгают по камням складчатой (из плитчатых осадочных пород) дороги, размывая весьма интересные и причудливые узоры (один ипокажем);

карьер старый по правую руку попался, поля по сторонам (а всё больше – лес сорный после варварских советских вырубок) – более ухожены: разнотравье, овёс (на вкус – молочной свежести).

А как зашли уж на нашу территорию – так и полей не стало, поляны, лес, ближе на подступах к Молёвке лес внезапно закончился (успели подберёзовиков местного вида – у нас таких нет – набрать, аж на целый котелок хватило и ещё осталось), начались луга, поля, травой заросшие – и что-то их всё же обрабатывают, скосили траву, например.

Вышли на чистое место – а вот вдали уже и великолепная панорама села как на ладони, вид на холмы вокруг (а много их, все оврагами да логамы друг от дружки разделёны, а то и речными долинами), и поля, и дороги, и река Сылва, и лес за ней (Зона аномальная, значит, тама...). Слева – камень Молёбный (а с нашей-то стороны пока – холм протяжённый, от нашего холма отделённый большим логом, по дну которого протекает-шумит речка Иштегановка, в пруд Молёбский впадающая – низовьями по селу, по его замолёбской части), священное место, на холме том и Крест большой виден (надо ж место языческое перечеркнуть – а и не зачеркнёшь, из памяти не выкинешь, остаётся оно, человеческим меркам неподвластное)...

Добыли воды в речке – мутновата чуток, но ничего, не такую употреблять приходилось, до села ещё далеко (в смысле, до воды чистой), а уже на исход дня солнце поворачивает, это мы так не спеша часа четыре с половиной уже шлёпаем (люди-то пешим чохом сейчас не ходят, вон в селе из одного конца в магазин на авто катят), а дорога не лёгкая, однако, да ещё рюкзак этот..; а мы ж на своих «лошадях» – в детстве, помню, мальцом на таких палках между ног «гарцевал», а и немного изменилось, но прыть не та уж, зато рюкзак на плечах, а там – и дом переносной и закусить чем есть...

Поискали место, кое бы приютило на две ночи, попросили пристанища – и нашлось место (в леске, на правом берегу

Иштегановки, на холме уже, с полем и дорогой рядом), да вполне уютное и замечательное, среди елей, рядышком пихта притулилась, аромат вплетает. Нас как будто притянуло туда. Весь день стоит пасмурный, дождя, однако, нет, кончился, вчера ещё... И тепло настаёт. Вот палатку поставили, сели отдохнуть – а вокруг тишина звенящая: село далеконько, птиц не слышно никаких (вообще никаких), насекомые не жужжат, не стрекочут, укусить не норовят, крыльшками не бяк-бяк, комарих – и тех нет, а внизу ведь вода. Присутствие чего-то необъяснимого. Небо низко облаками укутывает.

Тишина эта до ночи простояла. Костёрчик возггли, грибов отварили с солью, чаю с душицею да со зверобоем заварили –

лепота!; тут и темнеть начало, да споро так, враз сумерки надвинулись, а только десятый час вечера. На фото пошли «аномалии» разные, уже и не снимки чёткие, а расплывчатость да со смещением, энергетика прёт, одним словом. Скоро пришлось и в палатку заползть да спать пытаться. По сумеркам началось бабаханье ружейных выстрелов – охотнички развлекаются, гордыню тешат. И это прекратилось. В тишине, по реке, видать, отзвук от села (отстоящего основной частью более чем на 2 километра) – немного музыки, гавканье собачье слышалось изредка, журчание водного потока. Вот кто-то порхает в сумерках, а не птичий полёт, так, шелестение крыл, скорей – мышь летучая. Ночью, часа в три (темень ещё

стояла) заголосила-заорала какая-то птица неведомая, да таким дурным голосом, да почти над нами – а другая издали отвечает. Концерт часа на полтора... Всё «пить» просила – такой выкрик протяжный («пийить», а Марине слышалось как «чиив»), но не трели, выкрик одиночный (на вторую ночь концерт повторился, только начался раньше да длился дольше, а и источник голоса не под самым ухом был, а поодаль; да за день находились с холма на холм – и под концерт спалось; а так с интервалом в 6 секунд как заведённое «пийить», ответ от другой особи был кратен 2-4 крикам ближней).

Уж сразу и второй день в лагере опишу, чтоб на потом не отвлекаться. Утром и Солнце показалось, и птицы запели, его приветствуя, даже и насекомые какие-то залетали. Краткий завтрак. Сборы в путь налегке. Оставляем палатку и отправляемся бродить (об этом – во 2-й части рассказа).

К вечеру возвращаемся на стоянку, собираем выросшие за день в еловом лесочке грибы (а хорошо так набралось, килограмма на 4,5 тянет кулёк, даже домой удалось довести, на суп да на две жарёхи хватило); край непуганых грибов, короче: красноголовики, почти белые, но, видимо, всё же разновидности обабков да моховиков, рыжики). К вечеру холоднее стало, а днём почти весь день было Солнце и изрядно тепло. Потому туман в ночи образовался, утром долгонько стоял, пока теплом поднявшегося Солнца его не «сдуло». В тумане далёкие голоса из села были гораздо слышнее, нежели в первую ночь. Собака всё не унималась (на то она и собака!), ночью моторы фыркали – а дорога ж рядом. Пруд в размытую промоину в остатках плотины прорваться стремится (вот-вот смочет) – опять же вода громко шумит. Вот так до утра время и прошло. Встали рано, собрались обычным порядком, и пошли (об этом – в 3-й части рассказ будет).

Ещё одно – энергетикой ли места, чем ли другим, но усталость пешей части снялась начисто да почти сразу, утомления не чувствовалось, воздух чистый – не наш, загазованный, ширь пространства опять же... Короче, появилась бодрость, окрылённость некая, желание добрую часть холмов обойти.

Часть 2-я

Вот пошли мы к селу (а с утра солнце выглянуло и погода направилась), по правому берегу Иштегановки спустились, к двум

зброшенным домам подошли (стоят поодаль, видать, хутор был). Речку вброд перешли-перепрыгнули, дорога в гору пошла, справа осталось несколько домов, слева улица, по которой начались старинные достопримечательности: и стена противопожарная кирпичная (ныне стоящая как бы «в чистом поле», когда-то успешно предохраняла заводские склады),

и остатки двухэтажного кирпичного красивого ещё и сейчас бывшего купеческого дома (внизу были лавки, вверху жили хозяева),

старинные деревянные постройки «на два коня» (т.е. изба и двор перекрыты крышами – как двумя лбами наружу к улице, или ещё так: четырёхскатная крыша – на избе и двускатные крыши над холодным или тёплым дворами, тёплый двор – ко-

нюшня, хлев; тогда получается тройное строение, «на три коня»), деревянное сооружение водокачки (его я видел ещё в к. 90-х годов прошлого века, когда с Феликсом совершали велосипедную «экспедицию» в Молёбку – да, всё тем же путём, «через электричку, чрез Шутём», правда, тогда мы чуток с пути сбились, сначала ушли вправо от дороги на поля, пришлось возвращаться – а уж больше 3-х км отмахали; а потом необъяснимо как ушли влево от дороги – скорей всего, тогда уборочная рьяно шла в соседней области и дороги были накатанные не на Молёбку, а на поле – мы и уклонялись по ним. Во второй раз так уклонились влево, что упёрлись в лог, по дну которого, ключевой водой питаемый, ручеёк журчал, из лога выбрались – а уж темнеть начало, и нам пришлось срочно прямо в лесу палатку ставить; а устали напрочь, что даже не ужинали, так и спать завалились; наутро – два шага до опушки, поворот из-за кустов – и вот она Молёбка – тоже как на ладони, только холм был другой, выше Молёбного камня находящийся, оттуда мы и в село пришагали).

Навстречу пара от Креста спускалась, рассказали о скале, о роднике, о поляне с кругом – типа, мы тут к друзьям приехали, вот по окрестностям ходим, в бинокль мощный что-то да высматриваем. Поблагодарили их, пошли ко Кресту, говорят, раньше на этом месте стоял камень жертвенный, свершались таинства молёбные племён окрестных и дальних (вогульских, в основном), приносящих свои жертвы богам своим и духам природы, по

ним и Камень прозвали (Камень хорошо с реки видно, скала высокая, действительно, с выходами камня на поверхность, от Камня Сылва влево отворачивает, делает очередные петли), и

реку Молёбную (которая позже просто Молёбкою стала), а уж на ней, с открытием рудознатцем Егором Кузнецовым руд железных в 1775 г., основания небольшого селения в 1779 г. да решения завод ставить, полученного Александром Григорьевичем Демидовым только в 1784 г., пруд обиходили Молёбский, заводские строения возвели полностью уже в 1787 г., люди стали своё жильё обустраивать – так возникло Молёбское поселение, с постройкою церкви селом ставшее (в 1806 г.) и разросшееся до крупного заводского посёлка под 4 тысячи жителей (в 1908 г., уже после закрытия завода, оставалось жителей 3968 при 792 дворах, в селе церковь, больница, врачебный участок; лихолетья 20-21 веков извели население до менее чем 300 оставшихся жителей, в основном преклонного возраста, приличная на вид и большая школа зияет выбитыми окнами, правда, «за кампанию» построен показушный ФАП, работающий хорошо если раз в неделю часа два).

Посидел я на Камне, «думу подумал», с холма высокого далеко окрест видно, на места Лягушинские, на реку Сылву с островами, на Засыльбе с его непроходимым лесом; сверху фотки разные поделал, в т.ч. и в сторону «а ля зона»; дальше пошли, типа поляну с травой-кругом посмотреть – не впечатлила (да и всё тут). Стали спускаться с Камня, у водокачки наткнулись на «банду Белой козы»: подошла такая коза белая да рогатая, с животом тяжёлым и выменем большим, стала

чего-то там сначала просить, потом и требовать, а за ней разного возраста малолетки козлята штук семь, шалют вовсю, рога им дадены, чтоб бодаться – пока друг с дружкой, а коза, ничего не получив, тоже решила рогом поддеть; короче, ушли мы от них, в траве залегли, а потом чуть не ползком утекли в проулок – и к низу подались, ближе к реке, прошли по улице Набережной, на которой стоит колоритный полуразвалившийся дом, сложенный из плитняка (остался подвал

и первый этаж, выше был второй этаж, деревянный; ничего деревянного уже не сохранилось), пошли в сторону родника,

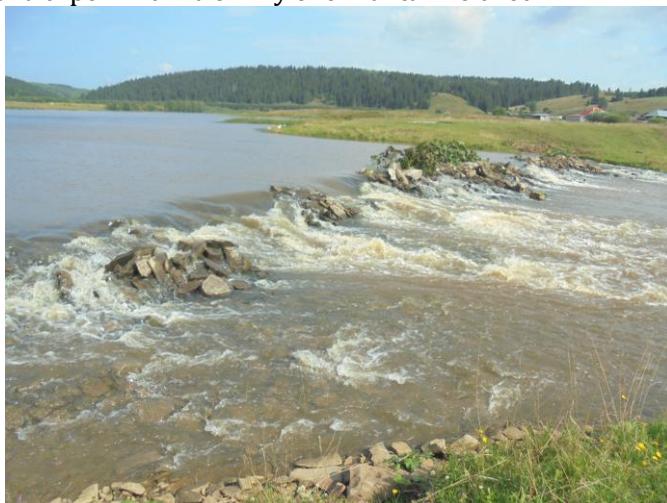
из-под Камня бьющего, водички набрали (по уверениям, вода родника – целебная; да у нас почти все оставшиеся родники, особо в местах экологически чистых, целебными и являются,

ибо первоначально чисты, отфильтрованы землёю или, наоборот, имеют благотворные примеси). Прошлись по берегу Сылвы, вода здорово поднялась.

Пошли осматривать место завода – с той да с другой стороны реки (и протоков) после плотины. Горы шлака разных цветов,

ямы на месте завода, давшего первую плавку чугуна 18 октября 1787 г., поток ревет-крутит, после дождей воды много, вся она стремится плотину окончательно снести

(пруд заводской, первоначальной площадью в 58 га, ныне полупущен, осталось уже менее 30 га поверхности водной).

Первоначально завод был чугуноплавильным (была построена доменная печь, позже перестроенная, затем вторая домна, в 1797 г. было выплавлено 114,6 тыс. пудов чугуна) с зачатками железодельного производства (работало несколько кричных горнов и молотов), в 19 в. освоено и пудлингование железа (в середине века работали две железодельные фабрики), но прекращённое полностью в 1871 г.; завод продолжал выпускать чугун до своей остановки в 1904 г. (последние владельцы Суксунских горных заводов с 1893 г. пермские купцы братья Каменские, несколько оживив завод, не смогли содержать его из-за убыточности). За нижним вспомогательным прудом (не сохранился, одни протоки остались), почти у самого впадения в Сылву стояла гвоздарная фабричка (4 горна, 2 гвоздорубных молота), склады да углетомительная и рудообжигательная печи.

Опосля обеда-перекуса уже и в основную часть села пришли, поднялись, первым делом, к остаткам полуразрушенной колокольни от стоявшего на самом видном месте храма во имя Святой Троицы (кирпичная однопрестольная церковь «в стиле классицизма», строенная Демидовыми в 1804-1806 гг., закрыта окончательно в 1938 г., в последнее время ведутся работы по её восстановлению: снесены ветхие стены самой церкви, по периметру церкви заложен фундамент, завезён кирпич для строительства – на этом пока всё приостановлено за нехваткой

средств). Стоят несколько лип да сосен с начала 19 в., ждут...

Чуть пониже стоит памятник «жертвам гражданской войны» – увы, только с односторонним «красным» подходом (война ведь гражданская, обоюдная, но память о второй половине российского народа до сих пор в забвении, отдельные ростки правильного понимания погоды пока не делают, вот и стоят то памятники расстрелянным китайским интернационалистам-наёмникам на пермской земле, то подобным «борцам» за «советскую» власть, то увековечены в названиях и именах улиц (и большинство из них в памяти народной слывут бандитами да лодырями); и нет ни одной братской могилы «с другой стороны», как будто и не было их; не замолить; а и не построено ничего, о чём столько костей извели в результате чудовищного чуждого эксперимента, на истребление России направленного).

Село пока стоит. Ныне не очень большое, зато вольготно раскинулось на разных холмах. Виды – хоть с какой стороны ни глянь – дух захватывает! И нужно учесть, что в округе стояли десятки деревень, хуторов-выселков (от которых остались только память на старых картах и списках населённых мест да шрамы на матушке-земле). Очень небольшое количество до-

мов облагораживается, остальные – доживают свой который уже век вместе со своими хозяевами. Новое жильё строят, думается, только пришлые люди. Почти нет людей ни на улицах, ни в огородах (а день вроде рабочий, понедельник), нет детей. Особенно за последние два десятка безпутных лет проявились налицо все мерзости запустения, когда изничтожается многое. Изводят российскую глубинку да везде, где только можно, не щадят вроде бы и крупные поселения (Яйву возьмём, например). А надо бы сохранять места, богатые своей историей, своей перевозданной экологией. В Молёвке есть прямой выход на Шалю, но почти нет дороги (строим только там, где указано, хорошо хоть болтологии чуток поменьше), мало самоуправления, мало внимания как раз на местах (сокращается всё, ибо бряцать железом большие деньги нужны, что ещё хозяевам за океан не отправлены). Засилье чистогана, погоня за удовольствиями, заезжие охотники истребили большинство из того, что двигалось да летало. На пасеках много мёда – а куда его деть, раньше приезжали забирать в централизованном порядке, принимали излишки с огородов, продукты со своих хозяйств, сейчас никто руки марать об это не хочет – двести процентов прибыли ведь нет. Был совхоз, ферма, сейчас работы нет, остаётся чисто натуральное хозяйство, по силам, коровы (вполне элитного вида) разобраны по личным хозяйствам, но сбыть излишки молока и других продуктов некуда. Вот и получается тупик в превосходно-красивых местах.

У магазина нижнего – вновь остатки «банды Белой козы», с нашим появлением утянувшиеся куда-то, зато о самом магазине сложилось впечатление, что и работать не особо стараются – а зачем?..

С высокой горки поглядели на реку Молёбку внизу (это, уже выше пруда, просто небольшая река), на пешеходный мостик над ней (когда-то был настоящий мост, хутора, деревни да МТФ на другой стороне, остались только так называемые урочища – и то не на всех картах показанные, чаще просто пустые места, а через них пустые лесные дороги, уже никуда и не ведущие – вот где Зона!), на холмы «замолёбские».

Повернули «домой», в лагерь, да можно было ещё походить, но основное увидели, почувствовали, виды поснимали.

Вот и местный паучок свои узоры выплетает

Хотелось бы вот ещё о чём упомянуть: во-первых, у писак разных в интернете как только названия не перевераны – то посёлок, до деревня, то вообще деревушка – вместо села Молёбка, зато вот, при описании как под копирку о разных достоприме-

чательностях аномальной зоны, встречается прекрасное единодушие – люди разные (казалось бы, так и пиши о своих личных впечатлениях), а пишут одинаково (ещё одни происки Зоны, что ли?), одними словами (и кто друг у друга позаимствовал, неизвестно, или это одно и то же, растиражированное по принципу пиара; бесспорно, Павел Мухортов – как первый, и, естественно, Николай Субботин – не в счёт). Во-вторых, конечно же, в таких местах всё будет аномальным – везде разломы, местность крайне пересечённая, последствиями ледника перепаханная, дно моря, ещё глубже остатки древнейшей вулканической деятельности, когда Праурал ещё только поднимался из земной коры – а значит, остатки, да немаленькие, металлов разных, дающих и геомагнитные и радиологические сбои и всяческие отклонения, мощную энергетику, воспринимаемую как напрямик организмом в виде различных ощущений, порой не совсем и приятных, так и всплески на фотографиях и т.п. выверты. Да плюс к этому «советская» составляющая с её карательной направленностью – посёлками насильно перемещённых лиц и, наоборот, уничтожение старых поселений, концлагерями – всё тоже оставляет свои следы на энергоинформационном уровне, на чём угодно – это было, и никуда безследно не исчезает (приходишь в места недавно покинутые, ощущаешь следы старого, а по следам воспринимаешь то, что тут было или могло быть; разумеется, если не на бережок приехал шашлычка пожрать, заодно окрестности ошарив пустыми типа глазами).

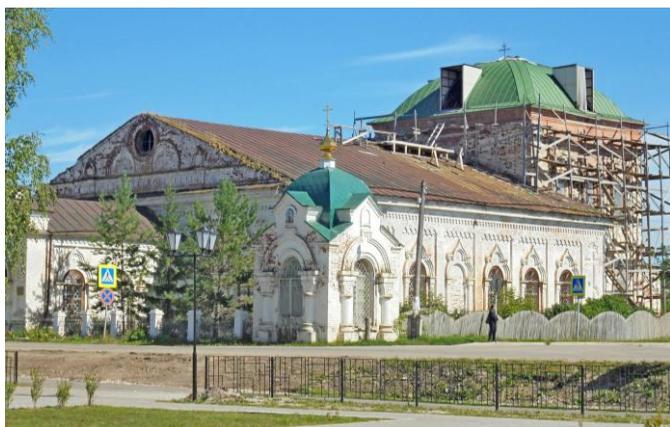
Часть 3-я

После второй ночи, как заведёно, собрались, палатку с пожитками упаковали, всё с собой прихватили (особенно мусор – ничего не след после себя оставлять, и так всё кругом загажено; вот интересно: порой на гору не лень тащить с собой полные ёмкости с разного рода жидкостями – пластиковые, стеклянные, жестянки ли – а после употребления тут же выбросить за ненадобностью, даже не шевельнув частичкой мозгов по поводу такого поведения; то же и о сосках-сигаретах – бросают где попало, даже не потрудившись потушить, хорошо, хоть спичек теперь не употребляют почти, всё больше зажигалки – так и их везде использованных валяется, бедных...). Вышли в место

дислокации автобусной остановки в селе (автобус должен был уйти вчера вечером, в воскресенье, в Усть-Кишерть, обратно, может, придёт в следующую пятницу), только рюкзаки поставили, ещё и дух не перевели (а туман всё ещё стоит-рассеивается), из соседней улицы вырывается старенький автомобиль: за рулём человек уже в возрасте, рядом его хозяйка – собрались в райцентр по своим делам, да и нас с собой прихватили (их голос за кадром уже звучал немного), накануне мысленно мы просили помощи о «возвращении»...

Поехали по старой гравийной дороге, вполне приличной, но не приведи Всевышний по ней пешком идти – всё будешь пыль обочинами глотать да от камней уворачиваться (это если ездит кто-нибудь, здесь – почти до самого Осинцево никакого шевеления). Деревушки встретились вокруг этого села, остальных давно нет, поля кое-где, вокруг Осинцево – и оживление работное; и так до самой Усть-Кишерти. Слева по дороге лиса встретилась, сидит терпеливо, ждёт, когда машина проедет, чтоб дорогу перебежать. Привезли нас мимо Медведевой, Шумково, Спасо-Барды и Гуриной прямо на железнодорожную станцию Кишерть (постройки 1906 г.). До электрички уйма времени (автобусы здесь вообще не ходят), пристроили кулёк с грибами в кассе станции, рюкзаки – в пристанционном магазинчике-закусочной, там же кофе попили. И пошли налегке районный центр осматривать, начав с совхозного посёлка за станцией...

А это автор всех фото данного «выпуска», Марина Чжан
(фото – *Ал. Тимшин*)

Деревня на устье речки Кишерти, слева в Сылву впадающей, упоминается в переписных книгах с 1647 г., с постройкою деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы в 1690 г. – село Усть-Кишертское (иногда называемое Покровским), в следующем году поставлен Покровский острожек для защиты русского населения, селившегося в этих плодородных местах (острожек упоминается и как Кишерский, Кишертский), далее – центр волости Кунгурского уезда, построен каменный храм в 1805 г., колокольня – в 1880-е годы (разрушена в 1937 г.), к храму пристроены два придела – последний, во имя пророка Ильи, освящён в 1892 г. Весь храм закрыт т.наз. «со-

ветской» властью в 1935 г. и превращён в склады райпо (благодаря чему и сохранился), вновь возвращён церкви в 1991/93 гг. и потихоньку восстанавливается. Находясь в центре села, храм тянет на себя весь вид архитектурный. В селе много интересных зданий, как старинных, так и новопостроенных – чувствуется, что досюда какие-то средства ещё доходят. Усть-Кишертъ – центр Усть-Кишертского с 15.01.1924, Кишертского района 30.09.1925-01.01.1963 и с 4.11.1965 по настоящее время. Село раскинулось на большой территории, вобрав в себя ряд окрестных деревень, и ныне сверху выглядит как туловище с вытянутыми в разные стороны отростками-щупальцами. Постройки расположены вокруг озер старичного типа, вдоль дорог, отходящих от села. Вообще, вполне тянет на приличное место обитания, добротное, впечатляющее место.

В 16:00 на скоростной «Ласточке» (старого типа) убыли в Пермь и часа через два были дома. Поездка закончилась. Конечно, вокруг Молёбки ещё ходить и ходить можно, да и в районе Кишертском полно мест, стоящих к посещению. Но, оставив зону «уфологнутым» – как им хочется, как им нравится, ещё повторим, что энергетика места – везде наличествует, везде значительна, и – задолго до, задолго после конкретно очерченного «треугольника», а поискать, так найдутся и других много мест, замечательных в своей особенности.

(Автор текста – **Ал. Тимшин**, Пермь; фото – **Марина Чжан**, Пермь)

* * *

Чуть тянет дымком прогоревший костёр,
Догорает в предночную темень...
Укромное место – тишь и простор –
Я сегодня твой пленник...
Потихоньку спала дневная жара,
Уж на отдых рюкзак устроился...
Мышцы натруженных ног размять,
Отдохнуть – и восторг утроится...
В дымке виднеется старый мост
У подножья холма над речкою...
Теснятся рядом впечатления вёрст –
Да надолго, до зимней печки...

24-31.07.2020 (Автор – Ал. Тимшин как **Светодар**, Пермь)